
ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ»: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВЗГЛЯД

Голиней В. А.*

В данной статье рассматривается концептуальное переосмысление устоявшихся понятий: «мягкая сила», «жесткая сила», «умная сила» и «острая сила». Научный дискурс вокруг данных понятий зачастую происходит под ракурсом освещения применения той или иной силы одним государством по отношению к аудитории другого. В то время как в исследованиях отсутствует рассмотрение возможного защитного ответа для своей аудитории второго государства на ту или иную силу, так же как отсутствует и понимание симметричного разного силового ответа по отношению к аудитории противника, автором предпринимается попытка расширения привычного дискурса и заполнения имеющихся концептуальных лакун, исходя из латиноамериканского и российского опыта.

Ключевые слова: «мягкая сила», «анти-мягкая сила», «мягкая контрсила», «устойчивая сила», «комбинационная сила».

CONCEPTUAL RETHINKING OF ‘SOFT POWER’: RUSSIAN AND LATIN AMERICAN VIEW

This article is devoted to the conceptual reinterpretation of well-established concepts: “soft power”, “hard power”, “smart power”, and “sharp power”. The scientific discourse around these concepts is often framed in terms of the use of one or another “power” by one state in relation to another state’s audience. While there is no elaborated consideration in the studies of a possible defensive response for its audience of the second state to a particular “power”, just as there is no understanding of a symmetrical different “power” response in relation to the opponent’s audience, the author attempts to expand the usual discourse and fill in the existing conceptual gaps based on the Latin American and Russian experience.

Keywords: “soft power”, “anti-soft power”, “soft counter-power”, “enduring power”, “combination power”.

В политическом дискурсе последних 30 лет очень активно продвигается тематика «мягкой силы». В основе данного дискурса лежат теоретические представле-

* Голиней Владимир Андреевич – к. полит. н., с. н. с. Института Латинской Америки РАН. E-mail: natli2009@yandex.ru.

Vladimir A. Goliney – Ph.D. in Politics, senior research fellow at the Institute of Latin America RAS. E-mail: natli2009@yandex.ru.

ния неолиберальной школы международных отношений, которая пытается раскрыть сущность понимания власти/силы (*power*) и ее применения на международной арене. В отличие от неореалистов, например Дж. Миршаймера, которые концентрировали свое внимание на двух видах силы: военной и латентная [Meag-sheimer 2001], неолибералы отдают предпочтение последней. Если военная сила лежит в плоскости армии и является ключевым показателем мощи и статуса государства на международной арене, то «латентная сила» видится как репрезентация социально-экономической характеристики, которая формирует богатство государства в лице его народа, экономики, технологий, ресурсов, культуры и пр. Таким образом, неолиберальная школа международных отношений рассматривает концепт силы государств больше с позиций экономической, а не военной мощи. Как утверждает Р. Кеохейн, «либерализм сосредотачивает внимание не только на государствах, но и на организованных социальных группах и фирмах» [Keohane 2002: 45]. В результате соединения государственных и транснациональных интересов на первый план выходит не военная сила, а экономическая эффективность и прибыль. Поэтому для представителей неолиберального течения экономическая мощь, связанные с ней институты и механизмы регулирования конфликтов или влияния на международной арене важнее, чем просто «военная сила». Это отчасти объясняет особое внимание неолиберальной школы к концепту «мягкая сила», основателем которого считается Дж. Най [Nye 1990].

Согласно устоявшимся представлениям Дж. Най, «мягкая сила» – «это способность оказывать влияние, заставляя других разделять некоторые из своих ценностей и, как следствие, разделять некоторые ключевые элементы своей повестки дня в области международного порядка и безопасности» [Gray 2011].

Как отмечается отечественными учеными, в частности М. М. Лебедевой, понятие «мягкая сила» «тракуется различными исследователями и политиками очень широко, часто противоречащим идее Дж. Най образом» [Лебедева 2017: 215]. Но даже несмотря на то, что некоторые исследователи пытаются отождествить элементы «мягкой силы» с элементами таких понятий, как «пропаганда», «культурная дипломатия», «публичная дипломатия», элементами «информационной войны» [Мехтиева 2017], основным отличием «мягкой силы» будет выступать мысль о латентной привлекательной силе, за которой хотят идти другие: «страна может добиться желаемых результатов в мировой политике, потому что другие страны – восхищаясь ее ценностями, подражая ее примеру, стремясь к ее уровню процветания и открытости – хотят следовать за ней» [Nye 2004: 5].

Дискурс исследования за эти десятилетия продвинулся вперед и привел научное сообщество к необходимости пересмотра некоторых положений «мягкой силы», ее актуализации современным политическим процессам, о чем пишет сам Дж. Най [*Idem* 2022]. Так представители неолиберальной школы пришли к идее совмещения «мягкой и жесткой силы», соединив все в концепте «умная сила» [Armitage, Nye 2007], а позже в научный дискурс было введено понятие «острая сила».

Расширение задействованных сфер человеческой деятельности и смыслового значения, которые затрагиваются экспертным сообществом в исследовании мощи государств, его силы в целом и «мягкой силы» в частности, заставляет задуматься об обратной стороне силы, а именно – есть ли что-то обратное «мягкой силе»,

например, анти-мягкая сила? Среди трудов, посвященных тематике «мягкой силы», можно найти статью отечественного ученого А. В. Фененко, который дает ответ на этот вопрос. Под понятием «анти-мягкая сила» Фененко видит следующее: «...“анти-мягкая сила” будет способностью снижать привлекательность других субъектов и блокировать их способность добиваться за счет этого желаемых результатов» [Фененко 2018]; «если мягкая сила – это способность субъекта нравиться своим примером, то анти-мягкая сила – способность государства сделать оппонента “непривлекательным”, “ненравящимся”, а в некоторых случаях и “неприемлемым” в глазах своего общества» [Его же 2020: 45]. В обсуждениях на сайте РСМД даже последовала критическая реакция на этот термин [Крамаренко 2018].

Таким образом, получается, что в концептуальном плане существует «мягкая сила», которая направлена одним субъектом (государство № 1) на другой для некоторого воздействия, и «анти-мягкая сила», которая направлена вторым субъектом (государство № 2) на свою же внутреннюю аудиторию для некоторого противодействия со стороны первого субъекта.

Представляется, что описанное противодействие «мягкой силе» лучше называть «мягкой контрсилой», а не «анти-мягкой силой», так как и в том, и в другом случае имеются два субъекта, которые проводят политику «мягкой силы» по отношению к одному и тому же объекту – некоторая аудитория, элиты, общество, находящиеся в пределах одного государства. То есть мы как бы имеем дело с двумя одинаковыми «мягкими силами», направленными на одну и ту же аудиторию, но под разным углом, то есть разными точками зрения – точкой зрения субъекта, направившего свою «мягкую силу» на второе государство, и второе государство, реализующее политику противодействия этой «мягкой силе» у себя внутри (мягкая контрсила¹ [Контр]). Акцент в данном случае делается на понятии «сила».

Касательно «анти-мягкой силы»² [Анти] представляется, что акцент смещен на понятие «мягкий», поэтому мы имеем дело не с противодействием силы одного субъекта силе другого, а, напротив, с такой политикой, которая направлена против самой себя, отрицает саму себя. Имеется в виду, что в результате проведения политики «мягкой силой» первый субъект не достигает поставленных целей: воздействие на второй субъект с достижением формирования симпатии проваливается, и появляется *антипатия*. При этом чем меньше желаемых результатов будет получать первый субъект, тем больше он будет пытаться воздействовать на второе государство своей «мягкой силой» и воспроизводить ее снова раз за разом. Второй субъект в таком случае может вообще не проявлять противодействия по отношению к политике первого (то есть «мягкую контрсилу») и при наличии достаточных внутренних ресурсов просто дожидаться накопительного эффекта:

¹ Контр (лат. *contra*) – первая часть сложных слов, означающая противоположный или встречный процесс, противодействие тому, что выражено во второй части слова, например: контрпретензия, контрудар, контрразведка, контрреволюция.

² Анти (греч. *avti* – вместо, против) – приставка, употребляемая при многих существительных и прилагательных для выражения противоположности или враждебности, соответствует приставке «против», например: антиалкогольный, антирелигиозный, антиобщественный, антимилитаризм.

когда в какой-то момент времени воздействие первого субъекта достигнет критического значения, после которого его «мягкая сила» станет «разрушать» саму себя и приведет к негативным последствиям, а именно отрицанию имевшегося ранее положительного воздействия. И как раз этот момент предлагается называть «анти-мягкой силой». В данном ключе нужно посмотреть и понять, когда может произойти подобный перелом и где находится эта критическая величина. Каков, быть может, в измерительном выражении накопительный эффект, который, достигнув края, начинает выплескиваться наружу и переставать действовать в известном нам положительном русле политики «мягкой силы»? При этом концептуальными синонимами «анти-мягкой силы» можно считать *soft powerlessness* («мягкое бессилие») или *futile power* («безрезультатную/бесполезную силу»), так как данные концепты на английском языке максимально четко раскрывают сущностную сторону «анти-мягкой силы».

Размышляя в русле имеющегося дискурса, можно заметить, что выведенные общепринятые концепты силы имеют отношение к двойному контексту «влияния»: на внутреннюю аудиторию двумя государствами и на внешнюю аудиторию (антитеза). Вследствие этого родилась следующая таблица, которая наполнена лакунами в концептуальном плане.

Таблица 1

Вид силы	Влияние / воздействие силы	Ответная сила по отношению к одной и той же аудитории	Обратная сила по отношению к противоположной аудитории (антитеза)
Жесткая	принудительное	–	Жесткая сила
Мягкая	привлекательное	мягкая контрсила / анти-мягкая сила по А. В. Фененко	–
Умная	совместное	–	–
Острая	конкурентное	–	–

Как видно из табл. 1, дискуссия, запущенная А. В. Фененко в отношении «мягкой силы», не дала ответа на важный вопрос: какова обратная сила по отношению к противоположной аудитории? Ведь, говоря об «анти-мягкой силе», мы по-прежнему находимся в рамках одной и той же аудитории. Однако мы не говорим о том, как после воздействия первым субъектом на аудиторию второго второй субъект начинает воздействовать на аудиторию первого. Как называть такую политику, силу? Какие инструменты и формы воздействия применяются в данном случае?

Пытаясь ответить на эти вопросы, можно увидеть следующую параллель в англо-американском дискурсе о «мягкой силе», где в некотором роде формой антитезы «мягкой силе» выступает «острая сила», ибо первая применяется демократическими государствами по отношению к авторитарным режимам, а авторитарные страны, в свою очередь, как раз отвечают «острой силой», направленной на аудиторию демократических режимов. Исследователи, которые ввели в оборот понятие «острой силы», так характеризуют ее: «...то, что мы на сегодняшний день понимаем как авторитарную “мягкую силу”, лучше классифицировать как

“острую силу”, которая пронзает или проникает в политическую и информационную среду в целевых странах» [Walker, Ludwig 2017a: 6].

Тем не менее при дальнейшем анализе сущности «острой силы» многими экспертами подчеркивается ее несоответствие по отношению к «мягкой силе». В частности, если «мягкая сила» направлена на привлекательность, то «острая сила» не является попыткой «создать аттракцию или убеждение <...> не является попыткой “поделиться альтернативными идеями” или “расширить дискуссию”» [Леонова 2019: 22], представляя лишь современным инструментом воздействия в информационном поле противостояния различных точек зрения.

Таким образом, форму антитезы «мягкой силе» необходимо искать в иной политике. Логически понимая, что политика «мягкой силы» государства № 1 будет обратно направленной политике «мягкой силы» государства № 2, стоит предположить, что подобную антитезу можно было бы назвать инверсионной (от лат. *inversio* – обратный, противоположный; «*inversive power*»), или анастрофийной силой (от греч. *ἀναστροφή* – инверсия). В таком случае «инверсионной силой» следует считать воздействие на аудиторию и элиты государства-контрагента. Целью этого воздействия является проведение такой политики, которая будет способствовать тому, чтобы сделать государство № 2 привлекательной страной для аудитории государства № 1 и сформировать в этой аудитории нужное для государства № 2 убеждение и представление о себе, то есть проводить атакующую политику на поле соперника, а не оборонительную политику на своем поле (формой чего является «мягкая контрсила»). Инструменты и механизмы «инверсионной силы» при этом могут ничем не отличаться от инструментов и механизмов «мягкой силы», различие будет крыться в разных аудиториях воздействия.

Продолжая анализ табл. 1, можно увидеть концептуальные лакуны по отношению ко всем другим видам сил. Постараемся заполнить их далее и начнем с «жесткой силы». Почему антитезой «жесткой силе» будет являться другая «жесткая сила»? Здесь можно исходить даже просто из третьего закона Ньютона, согласно которому каждое действие имеет равное ему противодействие. Вооруженному столкновению и грубому принуждению может быть тождественна только подобная же грубая военная сила, противостоящая этому принуждению. Данная антитеза имеет отношение к аудитории государства-контрагента.

Если же мы говорим о воздействии государства № 2 на внутреннюю аудиторию с целью противостояния «жесткой силе» другой страны, то подобную форму следовало бы назвать «устойчивая сила» (*enduring power*). В английском языке имеется следующее словосочетание – *endure hardship*, которое смежно с китайским выражением (*чэньюй*) – 卧薪尝胆 (*Wò xīn cháng dǎn*, во синь чан дань) [Большой...]. Дословно оно означает «лежать на дровах/хворосте и вкушать желчь» [Miyoshi Jager 2018]. В переносном смысле имеет следующий спектр значений: не останавливаясь перед трудностями, ждать и идти к цели; терпеть трудности ради великой будущей цели; разжигать в себе чувство мести, готовиться к отмщению; терпеливо страдающий, но твердо решивший отомстить [卧薪尝胆]. В английском же варианте *endure hardship* означает просто переносить трудности, стерпеть тяжелые испытания. Такое «терпение» общества во время воздействия государства-контрагента соразмерно боевому духу армии, а значит, неразрывно связано с ценностной и идеологической матрицей, которые должны отбраковы-

вать привносимые извне концепты и идеи, анализировать их (то есть разбивать на более мелкие части) и не допускать попадания на «местную почву». Далее показывать несостоятельность принудительного воздействия противника и уже при помощи синтеза выдвигать контраргументы, которые бы вновь возвращали аудиторию в лоно ценностной и идеологической матрицы данной страны. Если же терпение («боевой дух») истощится, то «жесткая сила» противника надломит общество, и поставленные контрагентом задачи могут быть выполнены. Уровень крепости «устойчивой силы» может быть определен историческим наследием пережитых военных действий, которые происходили с этим народом – учитывать стоит не только победы, но и поражения, ибо каждое из них привносило свой опыт в военную школу, офицерскую и солдатскую этику, нравственный идеал (*ethos*) и морально-волевые качества гражданского населения и армейского состава, который всегда стремится соответствовать историческому военному наследию предков. Необходимо понимать, что «настоящее любой страны выстраивается на матрице ее прошлого. Через историю формируется национальная галерея героев. Сакральная история соединяет историческое с ценностным, что в прошлом для данного социума является священным – исторические свершения, исторические фигуры» [Багдасарян 2021: 153]. Это все как раз и закладывает «подушку» устойчивости общества к внешнему силовому давлению. То есть в противостоянии «жесткой силе» противника на первое место выходит «дух» населения, а не просто «сила».

Добавляя какую-то цель, ради чего терпеть, предлагаемый концепт – «устойчивая сила» – обретает весь спектр смыслового значения, который позволяет противопоставить его концепту «жесткой силы» по отношению к внутренней аудитории, на которую направлена «жесткая сила» противника. Таким образом, «устойчивую силу» можно определить как способность общества терпеть тяжелое давление извне, переносить с определенной целью (у каждого общества она будет своя) лишения и испытания с опорой на исторический опыт прошлого, который заложен в виде этического и боевого духа.

Вероятно, что, столкнувшись именно со способностью некоторых государств стойко переносить трудности давления извне, западные исследователи перенесли дискурс о влиянии на другие государства из области военной силы в сферу идеологического противостояния, противостояния концептуальных, ценностных и цивилизационных основ того или иного общества и попеременного применения элементов «мягкой силы» и «жесткой силы», что привело к возникновению понятия «умная сила».

Совместное воздействие инструментов «мягкой» и «жесткой силы», которые перешли, например, в область санкционного давления, безусловно, наносят значительный ущерб любому государству, против которого это воздействие направлено. Могут ли существовать в таком случае ответная сила «умной силе» по отношению к внутренней аудитории и антитеза по отношению к аудитории противоположной стороны? Отвечая на вторую часть вопроса, можно предположить, что адекватным ответом, нацеленным на аудиторию другого государства, будет «комбинационная сила» (*combining power*). В шахматах существуют такие термины, как «комбинационная игра» (использовался с давних времен существования игры) и «комбинационное зрение/видение», введенное в оборот отечественным гроссмей-

стером М. М. Ботвинником. «Комбинационная игра заключается в конкретных действиях против неприятельских сил, в нападении и создании угроз, направленных против каких-либо объектов в расположении сил соперника» [Карпов и др. 1990: 164]. Именно под данным углом следует понимать сущность «комбинационной силы» – это политика, которая способна спутать планы государства-контрагента и навязать ему свой план «игры», перевести акцент и внимание на поле противника. Набор инструментов данной силы разнообразен и похож на аналогичный набор противостоящего государства, но, как и в рамках шахматной партии, есть некоторые ограничения применения данной силы: «Комбинационная игра требует не только точного расчета, но и фантазии, интуиции, так как сложные позиции часто не поддаются точному расчету. Нередко связана с риском, поскольку сопровождается комбинациями и жертвами. Возможна только в позициях определенного типа; для нее нужны необходимые предпосылки» [Там же]. Следовательно, удачное применение «комбинационной силы» может произойти при стечении определенных обстоятельств и предпосылок. Вероятно, что развернувшаяся в феврале 2022 г. специальная военная операция России на Украине является одним из ярчайших примеров применения «комбинационной силы».

Говоря же о форме проявления «умной силы» в виде противодействия «умной силе» противника по отношению к своей внутренней аудитории, можно предложить следующий вид силы: «оперативная». Такое название напрямую исходит из представлений о внутригосударственной разведке, которая в англосаксонских странах именуется *domestic intelligence* (*intelligent = smart*), а в России – оперативно-розыскной деятельностью [ФЗ...].

Образно можно сказать, что «оперативная сила» предстает политикой, которая будет нацелена на удар по замыслу, а не по действиям, удар, который разрушит планы государства № 1 и изменит ход противостояния. Такой вид силы направлен на разоблачение ложной информации, подаваемой государством-контрагентом (фейк-ньюз). В данном случае примечателен опыт отечественных журналистов из агентства Anna News, которые с 2017 г. ввели рубрику «Антифейк», разбирая новости западных СМИ на наличие подлога, искажения фактов и целенаправленной лжи о России. По мере накала обстановки вокруг России такие рубрики появились как на федеральном телевидении (например, программа «АнтиФейк» на «Первом канале»), так и в социальных сетях. В Латинской Америке борьба с ложными новостями идет сугубо в юридической плоскости. Первопроходцами считаются венесуэльцы, в Уголовном кодексе которых в 2005 г. появилась статья 297-А. Согласно данной статье, «любое лицо, которое с помощью ложной информации, распространяемой любыми печатными, радио-, телевизионными, телефонными СМИ, электронными письмами или брошюрами, вызывает панику в обществе или приводит его в замешательство, наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет» [Gaceta... 2005]. В период с 2017 по 2020 г. законы, направленные на борьбу с фейк-ньюз, появились в 10 латиноамериканских странах [Lubianco 2020].

Помимо этого, важной составляющей «оперативной силы» следует считать поиск и укрощение внутри страны устоявшихся механизмов, групп и «спящих» ячеек, которые поддерживают линию противника и являются трансляторами языка врага (то есть все то, что способствует расколу в обществе и идеологическому

подрыву устоев государства). Язык врага – это то, что должно быть в центре внимания любой силы, но особенно «оперативной», так как принятие тех или иных концепций и понятий (которые раскрывают сущность ценностей) означает не просто навык владения языком противника, а неразрывно связан с «ассимиляцией типа мышления» [Zea 1978]. Об этом явлении писал мексиканский философ Л. Сеа, когда анализировал основы латиноамериканизма, который был рожден именно ассимиляцией европейских представлений о цивилизации в Испанской Америке, что отодвинуло на несколько столетий самоидентификацию латиноамериканцев. Позже эта же ассимиляция произошла под руководством США, явившихся для южных соседей примером республиканского строя, демократии, прав и свобод человека. В итоге все реально существовавшие устои ценностного пласта бытия латиноамериканцев были подменены европейцами и североамериканцами (последние вообще «приватизировали» само название и идентичность – американец), подменены именно благодаря тому, что их язык концепций укоренился в Латинской Америке, размывая любые попытки появления альтернативных идей. Материально-техническая зависимость, в которой находились латиноамериканцы все колониальное время, весь XIX и большую часть XX в., дополнилась концептуально-идеологической зависимостью, которую пытались прервать представители левых политических сил, но, как показывает история, США тут же стараются изолировать их, выставить мракобесами, врагами всего человеческого и доброго, что только есть на Земле, и очень часто просто ликвидируют. Процесс подобной ликвидации можно увидеть и внутри самих США, которые зачищают информационное поле в стране, не позволяя выходить альтернативным по отношению к основному североамериканскому курсу идеям в информационное пространство. Получается, что тот, «кто контролирует дискурс, тот формирует повестку дня. Кому удастся установить свой контроль над формированием повестки дня, тот определяет принятие политических решений. Контроль над принятием решений – это и есть, собственно, политическая власть» [Багдасарян 2021: 124–125]. И контроль этот осуществляется в важнейшей сфере – ценностной, концептуальной, там, где формируются мировоззренческие представления общества, его парадигма мироздания. Поэтому «оперативная сила» должна, вскрыв навязанную внешними силами ценностную систему, представить, обосновать и защитить внутреннюю, собственную систему, оберегать «язык», который используется в своей системе, от доминирования и закабаления иностранными нетрадиционными и непривычными концептами, мыслями и словами. Иначе даже бессмысленно говорить о возможности победить врага (государство № 1), когда все сферы жизнедеятельности государства № 2 и его ценностная система опираются на ценности и когнитивную матрицу противника, принадлежат ему и его парадигме мировоззрения. Для латиноамериканских стран, о зависимости которых писалось ранее, вероятно, было бы полезно также поменять концептуальное наполнение дискурса *soft power* на представление силы в виде не *poder* (= power), а силового воздействия на разных уровнях, исходя из исторического опыта (от принудительного до конкурентного): например, «жесткая сила» – не *poder duro*, а *dictadura*; «мягкая сила» – *poder blando* – *dictablanda*; «умная сила» – *poder inteligente* – *dictasabia*; «острая сила» – *poder punzante* – *dictaguda* (*dictar* + *agudo*).

С такой политикой неразрывно связано манипулирование общественным сознанием и искажение информации. Эти же элементы можно найти в другом виде силы, о котором мы писали в начале статьи и который на Западе назвали «острой».

«Острая сила» – не просто новый концепт, рожденный западными исследователями, чтобы обозначить и отделить влияние незападных авторитарных государств [Walker, Ludwig 2017b]. Это, как справедливо подчеркивается отечественным исследователем О. Г. Леоновой, «совокупность информационных операций влияния и методов информационного кибертерроризма. <...> Технология влияния в эпоху, когда информация становится оружием» [Леонова 2019: 22]. Ввиду этого вновь актуализируются такие понятия, как фальсификация, пропаганда, подлог информации и данных, и появляются новые, соответствующие цифровой эпохе явления, такие как кибератаки, хакерство (взлом цифровых систем). Подобный вид влияния носит конкурентный характер, где одна информационно-цифровая система (государство № 1) пытается нанести вред другой информационно-цифровой системе (государство № 2). Что в таком случае может противопоставить государство № 2, говоря о внутренней для него аудитории, а также каковы инструменты контрборьбы?

Отвечая на данные вопросы, вероятно, следует обратить внимание на коннотацию «острой силы» с информационным кибертерроризмом. Общепринятого определения кибертерроризму нет, но если исходить из сфер, которые попадают под влияние данного явления, можно предположить, что «кибертерроризм означает действия, связанные с использованием компьютерных или интернет-технологий, которые (А) мотивированы политическими, религиозными или идеологическими причинами, (Б) направлены на запугивание правительства или части населения в той или иной степени и (В) серьезно нарушают инфраструктуру» [Hardy, Williams 2014: 20]. При этом нужно иметь в виду, что почти все потоки цифровых и интернет-ресурсов, маршрутизация и доменные имена, а также инфраструктура находятся под значительным, если не полным контролем западных стран, в первую очередь США. Поэтому при отсутствии собственной цифровой инфраструктуры и ресурсов любое государство по политической воле другой страны может в один прекрасный миг быть технически отключено от глобального Интернета. В то же время данный шаг, так же, как и использование «чужих» интернет-платформ, может быть использован для подрыва внутренней стабильности в «потенциально отключаемой» стране.

Таким образом, ключевым моментом контрборьбы для внутренней аудитории, на которую направлена «острая сила» контрагента, будет недопущение действий из пункта В для укрепления собственной инфраструктуры. В этом смысле сразу вспоминается опыт создания «Большого китайского файрвола». Вместо «внешних» цифровых источников в Китае разработаны собственные аналоги интернет-платформ и собственные резервные серверы, которые неразрывно связаны с реализацией на практике положений концепции кибербезопасности страны и способствуют созданию условно «суверенного» Интернета.

Как же тогда может называться подобная сила, направленная на внутреннюю аудиторию? Если продолжить развивать тему, связанную с терроризмом, то в английском языке, когда речь заходит о террористах, определяют несколько проти-

воборствующих групп внутри государств. Одну из таких групп обособляют, часто апеллируя к такому понятию, как умеренная оппозиция (*moderate opposition*) – те сторонники противостояния центральной власти, которые не замешаны в экстремизме. С точки зрения конкурентной борьбы государство № 1 и государство № 2, оба прибегающие к инструментам «острой силы», могут быть приравнены к умеренной оппозиции, ведущей внутреннее противоборство с контрагентом без применения инструментов контркибератак. Исходя из этого, можно было бы предложить форму «острой силы» в виде «умеренной силы» (*moderate power*), которая направлена на внутреннюю аудиторию каждого государства. Сущность «умеренной силы» будет отображаться именно в постоянных оборонительных, контролирующих, ревизионных действиях и создании собственной цифровой системы, не имеющей цели наносить ущерб цифровой инфраструктуре противника.

Контроль над действующими цифровыми ресурсами, в значительной степени сети Интернет, а также создание собственной инфраструктуры, о чем было сказано выше, будет способствовать созданию альтернативных каналов информации, распространяемой в цифровой и виртуальной среде. Такой контроль неразрывно связан с пониманием того, кто и как формирует в некотором роде уже не просто информационную, а виртуальную картинку происходящих мировых процессов. Поэтому, обращаясь уже к противодействию «острой силе» противника на его поле, обратим внимание на такой аспект, как доведение желаемой картинки до внешней аудитории.

Форматов трансляции такой картинке несколько, из них обозначим два наиболее важных:

1) традиционные теле- и радио эфиры, интернет-трансляции на языке другой страны (этот момент крайне важен, ибо бессмысленно доносить свою позицию на английском языке, скажем, Перу, в то время как государственным языком этой страны является испанский). В рамках данных каналов необходимо давать не только информацию и картинку, которая нужна государству № 2 и которая может быть альтернативна официальной государственной линии государства-контрагента, но и рассказывать о грядущих провокациях со стороны этого государства (при наличии подтвержденных разведывательных данных), что если не сорвет планируемые операции, то, по крайней мере, будет фактом, заставляющим думать и анализировать ту часть аудитории, которая на это способна;

2) новый формат трансляции в виде розыгрышей («пранков») политиков, официальных лиц на острые темы. Такой формат связан, с одной стороны, с умением читать информацию между строк, так как порой она носит двойной смысл, когда, отвечая на те или иные вопросы, политик скажет полуправду, но не полную правду. С другой же стороны, такой формат позволяет выводить на чистую воду официальные лица, которые обманывают свое население. Цифровые ресурсы, позволяющие менять голос, внешность (*deep fake*) во время процедуры связи, в первую очередь с действующими политиками или бывшими главами государств, придает новое значение тому, что принято называть «пранком». Это уже не издевательский или юмористический розыгрыш, но очень хитрый ход, который, например, активно развивается отечественными блогерами Вованом и Лексусом в их постоянных «беседах» от лица подставных политиков с западными

представителями искусства и официальными лицами (например, один из самых нашумевших по своему содержанию – разговор с Дж. Бушем-младшим).

Именно исходя из понимания хитрости в данном контексте применительно к «острой силе», форму антитезы (ориентир на внешнюю аудиторию) можно было бы назвать «проницательной силой» (*astute power* [Astute]³) или «хитрой силой» (*cunning power* [Cunning]⁴). Таким образом, «проницательная», или «хитрая сила» будет являться политикой, которая деконструирует и разлагает устоявшийся в государстве № 1 информационный поток, развивает альтернативную картину миростроительства и жизни, преодолевает контраргументами стереотипы о государстве № 2 при помощи современных (цифровых) и традиционных средств трансляции информации.

Таким образом, подводя итог статьи и рассмотрев обозначенные ранее виды сил, мы можем восполнить лакуны из первой таблицы и представить следующую картину сил, их антитез и ответов для внутренней аудитории в приведенной ниже табл. 2.

Таблица 2

Вид силы	Сфера бытия	Влияние / воздействие силы	Ответная сила по отношению к одной и той же аудитории	Обратная сила по отношению к противоположной аудитории (антитеза)
Жесткая	Физическая	Принудительное	Устойчивая сила	Жесткая сила
Мягкая	Социальная	Привлекательное	Мягкая контр-сила	Инверсионная / инверсная сила, или анастрофийная сила
Умная	Когнитивная	Совместное	Оперативная сила	Комбинационная сила
Острая	Информационная	Конкурентное	Умеренная сила	Проницательная сила, или «хитрая сила»

При этом необходимо понимать, что, как показывают события, произошедшие в мире за последние 30 лет, любую из обозначенных сил не стоит рассматривать только как отдельное и самостоятельное направление в политике того или иного государства – они должны быть совокупной мощью, одной системой, каждый элемент которой, будучи отождествлен с той или иной силой, будет отвечать за выделенный ему фронт работы, но вся совокупная деятельность будет подчинена ответам на вопросы: кто мы, куда и зачем идем, почему с теми или иными людьми нам не по пути, кто друг, а кто враг, почему (для внутренней аудитории); и чем они отличаются от нас, в чем их неправота и что они могут сделать, чтобы мир и их жизнь стали лучше вместе с нами, чем сейчас в рамках их имеющейся идеологической парадигмы без нас, зачем им нужно изменять свое отношение к

³ *Astute* – наличие или проявление способности точно оценивать ситуации или людей и использовать это в своих интересах.

⁴ *Cunning* – наличие или демонстрация умения достигать своих целей путем обмана или уклонения.

нам, чем наше мировоззрение и жизнь привлекательнее и лучше их идей (для внешней аудитории).

Подобная цепочка вопросов неразрывно будет наталкивать на смешанный формат ответов для разных уровней проявления той или иной силы. Например, можно, соглашаясь с теорией сетевых войн, рассматривать физическую, информационную, когнитивную (рассудочную) и социальную сферы бытия, где в каждой из сфер придется применять комбинацию, совокупность нескольких сил, а не каждую по отдельности. И представляется, что в этой плоскости необходимо развивать дискурс о «мягкой силе» не только в России, но и за рубежом, в частности в Латинской Америке.

Литература

Анти [Электронный ресурс] : Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=716> (accessed: 10.09.22).

Багдасарян В. Э. Матрицы общественного сознания. М. : Наше завтра, 2021.

Большой китайско-русский словарь. 卧薪尝胆 [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%8D%A7%E8%96%AA%E5%B0%9D%E8%83%86> (дата обращения: 08.09.22).

Карпов А. Е., Чепыжный В. И. и др. Шахматы. Энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990.

Контр [Электронный ресурс] : Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=24864> (дата обращения: 10.09.22).

Крамаренко А. М. «Анти-мягкая сила»: так ли уж это круто? 2018. 28 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/anti-myagkaya-sila-tak-li-uzh-eto-kruto/> (дата обращения: 15.08.22).

Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3(54). С. 212–223.

Леонова О. Г. Sharp Power – новая технология влияния в глобальном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 21–28.

Мехтиева Н. Р. Информационные войны как «цифровой» аспект глобализации // Век глобализации. 2017. № 3. С. 77–89.

Фененко А. В. Возможна ли «анти-мягкая сила»? 2018. 16 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhna-li-anti-myagkaya-sila/> (дата обращения: 02.08.22).

Фененко А. В. Анти-мягкая сила в политической теории и практике // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 1. С. 40–71.

ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/more.htm%21id%3D10343052%40fsbNpa.html> (дата обращения: 29.09.22).

Armitage, R. L., Nye, J. S. Jr. CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America. N. p., 2007.

Astute [Электронный ресурс] : Oxford English and Spanish Dictionary, Synonyms, and Spanish to English Translator. URL: <https://www.lexico.com/en/definition/astute> (дата обращения: 30.09.22).

Cunning [Электронный ресурс] : Oxford English and Spanish Dictionary, Synonyms, and Spanish to English Translator. URL: <https://www.lexico.com/en/definition/cunning> (дата обращения: 30.09.22).

Gaceta Oficial N° 5.763 Extraordinario 16 de marzo de 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.annaobserva.org/observatorio/wp-content/uploads/2018/03/C%C3%93DIGOPENAL-DE-VENEZUELA.pdf> (дата обращения: 29.09.22).

Gray C. S. Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century [Электронный ресурс] : The Strategic Studies Institute. 2011. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/128690/pub1059-1.pdf> (дата обращения: 07.09.22).

Hardy K., Williams G. What is “Cyberterrorism”? Computer and Internet Technology in Legal Definitions of Terrorism // Cyberterrorism: Understanding, Assessment, and Response / ed. by Th. M. Chen, L. Jarvis, S. Macdonald. New York : Springer, 2014.

Keohane R. O. Power and Governance in a Partially Globalized World. London : Routledge, 2002.

Lubianco J. 11 Laws and Bills Against Disinformation in Latin America Carry Fines, Prison and Censorship [Электронный ресурс] : LatAm Journalism Review. 2020. December 16. URL: <https://latamjournalismreview.org/articles/laws-and-bills-against-disinformation-in-latin-america/> (дата обращения: 29.09.22).

Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics. New York : W.W. Norton and Company, 2001.

Miyoshi Jager S. The Strange, Dark History of North Korea and the Olympics [Электронный ресурс] : Politico. 2018. February 9. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2018/02/09/north-korea-olympics-2018-history-216951/> (дата обращения: 08.09.22).

Nye Jr., J. S. Soft Power // Foreign Policy. 1990. No. 80. Pp. 153–171.

Nye Jr., J. S. Soft Power the Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs, 2004.

Nye Jr., J. S. Whatever Happened to Soft Power? [Электронный ресурс] : Project Syndicate. 2022. January 11. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/what-everhappened-to-soft-power-by-joseph-s-nye-2022-01> (дата обращения: 08.09.22).

Walker C., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power – How Authoritarian States Project Influence [Электронный ресурс] : Foreign Affairs. 2017a. November 16. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (дата обращения: 09.09.22).

Walker C., Ludwig J. Sharp Power: Rising Authoritarian Influence in the Democratic World [Электронный ресурс] : National Endowment for Democracy: International Forum for Democratic Studies. 2017b. URL: <https://www.ned.org/wp-content/uploads/2017/12/Sharp-Power-Rising-Authoritarian-Influence-Full-Report.pdf> (дата обращения: 08.09.22).

Zea L. Filosofía de la historia americana. México : Fondo de cultura económica, 1978.

卧薪尝胆 [Электронный ресурс] : English-Chinese Online Dictionary. URL: <https://www.quword.com/search?word=%E5%8D%A7%E8%96%AA%E5%B0%9D%E8%83%86> (дата обращения: 08.09.22).

References

Anti [Anti] // Tolkovyy slovar' Ushakova [Ushakov's Glossary]. URL: <https://ushakov-dictionary.ru/word.php?wordid=716> (accessed: 10.09.22).

Bagdasaryan V. E. *Matritsy obshchestvennogo soznaniya* [Matrices of Public Consciousness]. Moscow : Nashe zavtra, 2021.

Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar' [A Large Chinese-Russian Dictionary]. 卧薪尝胆. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%8D%A7%E8%96%AA%E5%B0%9D%E8%83%86> (accessed: 08.09.22).

Karpov A. E., Chepyzhny V. I., *etc.* Shakhmaty. Entsiklopedicheskiy slovar' [Chess. Encyclopedic Dictionary]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1990.

Kontr [Counter] // *Tolkovyy slovar' Ushakova* [Ushakov's Glossary]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=24864> (obrashchenie: 10.09.22).

Kramarenko A. M. "Anti-myagkaya sila": tak li uzh eto kruto? ["Anti-Soft Power": Is it Really that Cool?]. 2018. November 28. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/anti-myagkaya-sila-tak-li-uzh-eto-kruto/> (accessed: 15.08.22).

Lebedeva M. M. "Myagkaya sila": ponyatie i podhody ["Soft Power": Concept and Approaches] // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2017. No. 3(54). Pp. 212–223.

Leonova O. G. Sharp power – novaya tekhnologiya vliyaniya v global'nom mire [Sharp Power – A New Technology of Influence in the Global World] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. Vol. 63. No. 2. Pp. 21–28.

Mekhtieva N. R. Informatsionnyye voyny kak "tsifrovoy" aspekt globalizatsii [Information Wars as a "Digital" Aspect of Globalization] // *Vek globalizatsii*. 2017. No. 3. Pp. 77–89.

Fenenko A. V. Vozmozhna li "anti-myagkaya sila"? [Is "Anti-Soft Power" Possible?]. 2018. November 16. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhna-li-anti-myagkaya-sila/> (accessed: 2.08.22).

Fenenko A. V. Anti-myagkaya sila v politicheskoy teorii i praktike [Anti-Soft Power in Political Theory and Practice] // *Mezhdunarodnye protsessy*. 2020. Vol. 18. No. 1. Pp. 40–71.

FZ "Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti" ot 5 iyulya 1995 g. [Federal Law "On Operational Investigative Activities"]. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/more.htm%21id%3D10343052%40fsbNpa.html> (accessed: 29.09.22).

Armitage, R. L., Nye, J. S. Jr. *CSIS Commission on Smart Power: A Smarter, More Secure America*. N. p., 2007.

Astute // *Oxford English and Spanish Dictionary, Synonyms, and Spanish to English Translator*. URL: <https://www.lexico.com/en/definition/astute> (accessed: 30.09.22).

Cunning // *Oxford English and Spanish Dictionary, Synonyms, and Spanish to English Translator*. URL: <https://www.lexico.com/en/definition/cunning> (accessed: 30.09.22).

Gaceta Oficial N° 5.763 Extraordinario 16 de marzo de 2005. URL: <http://www.annaobserva.org/observatorio/wp-content/uploads/2018/03/C%C3%93DIGO-PENAL-DE-VENEZUELA.pdf> (accessed: 29.09.22).

Gray C. S. *Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century* // *The Strategic Studies Institute*. 2011. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/128690/pub1059-1.pdf> (accessed: 07.09.22).

Hardy K., Williams G. *What is "Cyberterrorism"? Computer and Internet Technology in Legal Definitions of Terrorism* // *Cyberterrorism: Understanding, Assessment, and Response* / ed. by Th. M. Chen, L. Jarvis, S. Macdonald. New York : Springer, 2014.

Keohane R. O. *Power and Governance in a Partially Globalized World*. London : Routledge, 2002.

Lubianco J. 11 Laws and Bills Against Disinformation in Latin America Carry Fines, Prison and Censorship // *LatAm Journalism Review*. 2020. December 16. URL: <https://latam-journalismreview.org/articles/laws-and-bills-against-disinformation-in-latin-america/> (accessed: 29.09.22).

Mearsheimer J. J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York : W.W. Norton and Company, 2001.

Miyoshi Jager S. The Strange, Dark History of North Korea and the Olympics // *Politico*. 2018. February 9. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2018/02/09/north-korea-olympics-2018-history-216951/> (accessed: 08.09.22).

Nye Jr., J. S. *Soft Power* // *Foreign Policy*. 1990. No. 80. Pp. 153–171.

Nye Jr., J. S. *Soft Power the Means to Success in World Politics*. New York : Public Affairs, 2004.

Nye Jr., J. S. Whatever Happened to Soft Power? // *Project Syndicate*. 2022. January 11. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/whateverhappened-to-soft-power-by-joseph-s-nye-2022-01> (accessed: 08.09.22).

Walker C., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power – How Authoritarian States Project Influence // *Foreign Affairs*. 2017a. November 16. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (accessed: 09.09.22).

Walker C., Ludwig J. *Sharp Power: Rising Authoritarian Influence in the Democratic World* [Электронный ресурс] : National Endowment for Democracy: International Forum for Democratic Studies. 2017b. URL: <https://www.ned.org/wp-content/uploads/2017/12/Sharp-Power-Rising-Authoritarian-Influence-Full-Report.pdf> (accessed: 08.09.22).

Zea L. *Filosofia de la historia americana*. México : Fondo de cultura económica, 1978.

卧薪尝胆 // *English-Chinese Online Dictionary*. URL: <https://www.quword.com/search?word=%E5%8D%A7%E8%96%AA%E5%B0%9D%E8%83%86> (accessed: 08.09.22).